

Воин, писатель, коммунист

Юрию Збанацкому — 70 лет

В одной из статей он писал: «Силой своего художественного слова служить партии и народу — цель жизни советского писателя». Да, он верен этой высокой цели как литератор и как гражданин. В годы военного лихолетья служил партии и народу штыком и гранатой, командовал одним из партизанских соединений. А после Великой Отечественной Герой Советского Союза Юрий Олиферович Збанацкий, по профессии учитель, преподавал в педагогическом институте. И писал. Вспомним его первую повесть «Тайна Сокольного бора», вышедшую в 1948 году и так полюбившуюся юным читателям — ровесникам героев книги, которые активно помогали народным мстителям. И «Лесная красавица», и «Единственная», и «Красная роса», как и автобиографическая повесть «Мы — не из легенды», — произведения о войне, о партизанском крае, о тех, кто боролся, о живых и павших в битве с врагом — о детях и взрослых, о силе нашего духа.

Пошли к зрителю, стали фильмами «Сеспель», повести «Меж добрых людей», «Морская чайка», «Куринный бог»; удостоены почетных премий популярный и поныне среди школьников и педагогов «Малиновый звон» (Республиканская премия имени Н. Островского), масштабный

Стоим на днепровском берегу возле киевского причала, вертим во все стороны головами — вокруг люди движутся потоком, крик, шум, гомон...

Поток прибывших на пароходе постепенно рассеялся, стало не так многолюдно, мы постепенно освоились и пытливо следим за поведением своих провожатых, а они — Фан Саввич и Наталья Прокопьевна — о чем то советовались, учительница просто пылала от волнения, а Фан Саввич спокойно, уравновешенно что-то ей толковал, я слышал одно незнакомое слово «фуникулер» и понимал, что то основное, ради чего мы высадились на этом запыленном берегу, только начинается.

Прошли мы четырехлетнюю программу в начальной школе, два года проучились в семилетней, уже были подростками, даже достаточно дозревшими, но тут все как то съезжались, столпились, жались друг к другу.

Попробуй-ка сразу найти свое место, определиться, когда на тебя одно за другим наплывают невероятные чудеса и неожиданности.

Вошли в какое-то, чуть ли не подземное строение, а там загончики стоят скособооченные, странные такие. Фан Саввич суежился, велел побыстрее на ступеньки становиться и никому не отставать. Как овцы в неизвестность, попрыгали мы в те вагончики. Я догадался, что это и есть тот самый фуникулер, о котором говорили учителя, и стал нетерпеливо ожидать, что же он с нами сделает, этот фуникулер.

Заскрежтело, дернуло, дрогнуло, заскрипело, вспыхнула электроискра зеленым светом, потянуло вверх. Сердце упало, но тут же отпустило — понял: фуникулер — это та машина, о которой восхищенно рассказывал когда-то дядько Степан: она снизу людей вверх везет, сверху вниз спускает. И сразу спокойно и весело стало на душе, я, самому себе на удивление, начал убеждать соседей по отсеку, что это необыкновенная машина, которая возит людей, и что бояться или сомневаться тут нечего.

Вскоре мы оказались на площадке, вокруг которой высились дивные храмы и дома, а Фан Саввич торжественно объявил:

— Мы находимся в княжьем городе, здесь, на этой горе, жили Святослав и Игорь, Ольга и Владимир, и все остальные великие князья киевские.

Про них мы слышали, на уроках истории нам рассказывали, но одно дело урок, и совсем другое — практика, как говорит народ: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Вот и застыли мы, глядели во все глаза, всматривались в каждую деталь — ведь попали в такое место, где вершилась сама история и где она оставила о себе ярчайшие приметы.

Пока мы любовались Софией и Андреевской церковью, пока огибали так называемые «Присутственные места» — то есть здания, где до революции размещались разные учреждения царской власти, пока охали и ахали, знакомясь с Богданом Хмельницким, рынком взвившимся на стремених ретивого коня, — наши провожатые то шептались, то забыв, что мы рядом, вдруг громко спорили, о чем именно, — мы могли только догадываться.

А речь шла о Владимир-

социально-психологический роман «Волны» (Государственная премия УССР имени Т. Г. Шевченко), роман «Кукушки» (литературная премия имени Леси Украинки), роман «Сеспель» (литературная премия Чувашской АССР имени М. Сеспеля).

Много написал Ю. Збанацкий книг о войне, но много и о мирной жизни, о родном черниговском селе, о становлении молодого человека, о его месте в строю творцов новой жизни. Нашла свое яркое выражение в ряде рассказов леинская тема. Успешно разрабатывает прозаик и тему дружбы народов, интернациональной солидарности трудящихся. Его произведения увидели свет в переводах на русский и другие языки народов нашей страны, издавались и издаются в братских социалистических странах.

Пьесы, киносценарии, публицистика — все это тоже труды писателя-коммуниста, общественного деятеля, много лет возглавлявшего партком столичной организации Союза писателей УССР, работавшего первым секретарем правления Киевской организации СПУ Ю. О. Збанацкий был депутатом Верховного Совета УССР 9 созыва, делегатом двух партийных съездов. Сейчас Юрий Олиферович — член президиума правления СП Украины, член парткома, председатель Комиссии Союза писателей Украины по детской и юношеской литературе.

В журнале «Дніпро» только что опубликована новая повесть Ю. Збанацкого «Приключения Ивана Коструба». А на рабочем столе писателя — главы художественно-документального произведения о Киеве, отрывок из которого мы публикуем сегодня.

1 января Юрию Олиферовичу исполнилось 70 лет. Много добрых слов и теплых поздравлений услышал юбиляр в свой адрес. Сердечные пожелания Ю. О. Збанацкому, постоянному нашему автору, шлет и «Правда Украины».

ской горке, знаменитом месте в городе, о ней мы слышали даже в своем Острове. Похоже было, что Фан Саввич прежде всего хотел показать нам это диво, а Наталья Прокопьевна не соглашалась.

— Религиозная атрибутика не для детей, — как пирон, горело от возбуждения ее привлекательное лицо. — Мы должны воспитывать в материалистическом духе...

— Детей надо воспитывать на том, что сохранила история, ведь это уже не реальная действительность, а искусство, культура. Скульптура Владимира — произведение искусства, «Голгофа»... — Только без «Голгофы», только без «Голгофы»... —

Она тут же, на Владимирской горке, в округлом строении. С трепетом, любопытством и страхом поднимаемся по металлическим ступенькам на площадку. Здесь царят полупрохлада, полутьшина, полуреальность и полусказка.

На холме три креста, необтесанные, но такие, которые могли же существовать, на двух крестах распятые разбойники, а посреди знакомая фигура того самого бога, которым нас, малых, едва дошедших до понятия, пугали взрослые. Нелегко было этому исхудалому юноше терпеть боль от гвоздей, которые позагоняли ему в руки и ноги; да, видно, не за добрые

Ю. ЗБАНАЦКИЙ

Первое знакомство

Отрывок из новой повести «Мой Киев»

чуть ли не на всю улицу возражала учительница.

Уже значительно позже я понял, от чего остерегала учительница. Памятник Владимиру и «Голгофа», София и Лавра, Андреевская церковь — все это средоточие религии, причем, воплощенные в художественных образах, они сильно влияли на психику человека, развивали, а главное прочно закрепляли в сознании религиозные представления, засасывали человека, опутывали идеалистическими убеждениями.

С подробностями, явно с юмором и иронией рассказывал нам Фан Саввич о той религии, которая питала наших предков в довладимирские времена, о Перуне и всех других богах, о вере в русалок, ведьм, домовых и так далее, о том, как упиралась киевляне, сколько горя пережили и как быстро переняли новую религию только потому, что соединили ее с прежними верованиями.

— А теперь пойдём в «Голгофу», — пригласил учитель.

Наталья Прокопьевна на этот раз уже не протестовала, покорно пошла вслед за нами к тому сооружению, которое ее, видимо, пугало, а нас тянуло словно магнитом.

Я теперь не отставал от Фана Саввича ни на шаг. Очень уж хорошо рассказывал он о тех вещах, про которые мы и понятия не имели.

Дома на каждом шагу нас страшила пеклом. Пекло было страшным само по себе. Кому приятно попасть в котел с кипящей смолью, кому в радость лизать разжаренную до белого каления сковороду, кому понравится, если его подхватят на острые вилы и станут трясти словно сноп соломы? Но и это было бы полбеды. Умерши, можно как-то выдержать и такую кару. Беда в том, что в аду бедолаге грешнику пришлось бы ежеминутно, ежедневно, до самого страшного суда, который кто его знает когда свершится, терпеть неслыханные муки.

Самое большое наказание ждало на том свете безбожников. Я уже давно стал бы убежденным атеистом, если бы не запугивали постоянно родичи: смотри, гляди, безбожник, на том свете вечно в огне пекельном гореть будешь.

А тем временем перед нами отворились двери «Голго-

дела так карали человека, и выдержал, наверное, только потому, что был не каким-то заурядным, слепленным из плоти, начиненной нервами, а был из божественной материи. Странно, что, пережив такие страдания, сын божий настолько очерствел, что не отказался посылать на страшнейшие мучения людей за самые пустяковые преступления.

Хотя я раньше слышал об этой панораме, но не представлял ее именно такой. Если бы не отнесли другие экскурсанты, то, наверное, сами мы и не подумали бы осмелиться обзорную площадку. Уходили притихшие, ошеломленные. И главное, что меня поразило не идеальная сторона этого произведения, я не поверил, что действительно бога привоздили к кресту, причинив ему невероятные мучения. Заинтересованный, проникся душевной верой в красоту искусства, понимая, что даже если все это и вправду произошло где-то там, в пустыне, в незапамятные времена, то произошло с обыкновенными людьми, а никак не с богом... Выдумки, все выдумки, красивые сказки для взрослых.

Дня три бродили мы тогда по Киеву: увидели места революционных боев, осматривали музеи, картинную галерею, Лавру, в Софии любовались творениями древних мастеров. И пролетели эти дни словно прекрасное сновидение.

Перед тем как попасть снова на пристань, осмотрели Подол, в частности Контрактную площадку. Фан Саввич долго говорил об экономических связях Киева со всей страной, с Европой, о шумных контрактных ярмарках, происходивших здесь, но это нас уже не очень интересовало. А вот чудесный павильон с поэтическим названием «Самсон» запомнился. Этот памятник архитектуры и гидротехнического искусства не мог не очаровать своей таинственностью и романтикой. Круглый павильон был не просто деталью площадки и окрасой Подола, а представлял собой основу Киевского водопровода, прокладывая который начали в XVIII столетии.

Фан Саввич сказал, что такой «Самсон» есть еще близ Ленинграда — в Петродворце, но там он не деревянный, а золотой. Мы еще изумились — сколько же

нужно золота, чтобы отлить такое чудо.

Около журчащей струи выстроилась очередь. Поскольку погода в тот день была не такой, чтобы манило к воде, да и завтрак у нас был небогатый, то мы не кинулись на водопой. Фан Саввич, усмехаясь, посоветовал глотнуть зеркальной водицы.

В гостях хорошо, а дома лучше. Счастливый сошел я с парохода на остерскую землю. Счастливый тем, что побывал в заветном городе, увидел столько неведомого. А еще счастливый от понимания того, что открыл для самого себя великую истину — никаких богов не существовало и не существует, никакое пекло мне не угрожает, ибо его нет в природе, так же, как нет и сладковатослучнейшего рая с его беспрерывной праздничностью.

Я открыл вечность. Понял, что бессмертия вечно смеяющегося мире нет. Существовали люди до нас, множество поколений прошло по земле до того времени, когда настал наш черед хватиться за жизнь. Люди существовали вечно. Одни отходили, приходили другие. И нет людей святых, ведь если бы они были, то не стояли бы в пещерах скорбные гробы с обыкновенными костями. Жизнь была до нас, будет продолжаться и после, когда мы уйдем в небытие. В этом секрет вечности, беспрерывного течения жизни. Надо воспринимать все спокойно и мудро.

Иногда неожиданно увидел в Острове маму, которая, похоже, решила побазарить именно в этот день только ради того, чтобы встретить меня с дальней, просто неслыханно дальней дороги, то сразу же заговорил не о том, чего насмотрелся, чем любовался все эти дни в прекрасном Киеве, а развел философию — о человеческой жизни, вечности и бессмертии, а закончил непререкаемым выводом: бога нет, не было, и всякие поповские выдумки не заслуживают внимания. Одним словом: религия — опium для народа.

Мама слушала, широко раскрыв глаза, смотрела на меня не то с удивлением, не то с испугом.

— И это нужно было ехать в Киев, ко всем святым угодникам, чтобы набраться вот такого?! Ах ты, басурман, ах ты, безбожник, пропащая твоя душа...

— А таки безбожник! — гордо сказал я.

Мама умолкла и уже всю дорогу, до самого дома, не заводила со мной разговора. Ее больше не занимали мои впечатления, а я, обидевшись на такое невнимание, тоже молчал.

Надеялся, что с дедушкой у меня выйдет большая и интересная беседа, ведь дедушка человек бывалый, грамотный, сам не раз сомневался, действительно ли существуют рай и ад, он как будто побывался адеских мук, значит, обрадуется, узнав, что никакой потусторонности нет, что есть лишь выдумки, нужные богатым, чтобы обманывать бедных.

Не доехав до своей хаты, соскользнул с подводы и пошел к дяде — у него жил дедусь.

— Ты ж, анафемская твоя душа, дедусю не вздумай торочить черт-те что. Он и так еле дышит... — крикнула влогонку мама...

Перевод с украинского Р. КАНЭП.